

Фриц Эрпенбек

После полуночи¹

Ирмгард Кейн в эпоху Веймарской республики внезапно стала известна широким читательским массам. Ее роман «Вискозная девушка» имел большой успех, главным образом, благодаря чертам общественной критики, придавшим роману занимательность; при всей своей сатирической откровенности эта критика не затрагивала каких-либо существенных проблем. Это один из столь излюбленных в Германии «романов для легкого чтения», представленных Викки Баум и другими. Но у Ирмгард Кейн больше юмора. После прихода к власти Гитлера о ней ничего не было слышно. Она осталась в Германии. Только недавно она приехала оттуда, и вот перед нами ее новый роман «После полуночи».

Эта одна из тех, столь редких сегодня немецких книг, которая прочитывается в один присест. Но это уже не только хороший «роман для легкого чтения». Книга Ирмгард Кейн — антифашистский роман большой впечатляющей силы. Свободомыслящие немецкие писатели приобрели новую боевую спутницу.

Ирмгард Кейн — не коммунистка. С той очаровательной дерзостью, которая делала столь занимательной ее «Вискозную девушку», здесь вновь рассказывается о судьбе молодой девушки. Мещанская любовная история, собственно, совсем простая: двое молодых людей, ни в малейшей мере не интересующихся политикой, живут буднями «Третьей империи» и вынуждены в конце концов бежать за границу, потому что возлюбленный совершает акт индивидуальной мести по отношению к одному наци.

Все это рассказывается искристо, с блеском, с наивно-злыми замечаниями от первого лица, как будто несвязно. На самом же деле все в рассказе исключительно крепко скомпоновано и подано в умело нарастающем темпе. Но то, что раньше было у Ирмгард Кейн лишь очаровательной «откровенностью», занимательной

дерзостью, становится сегодня острой сатирой, боевым разоблачением; однако писательница показывает лишь фашистскую Германию-тюрьму и едва намечает образы тех, кто будет взрывать ее стены.

Она показывает — это ни в какой мере не означает, что она репортерски описывает. Она всегда рассказывает. И всегда хорошо и захватывающе. Несмотря на множество колоритных, часто даже эксцентрических образов, несмотря на множество эпизодов, набросанных со злым юмором, ни на мгновение не стирается ясная, даже скупая композиция, и все образы кажутся необходимыми и живыми.

В романе Ирмгард Кейн мы почти не встречаем сознательных антифашистских борцов; даже в отношении молодого рабочего Пауля, которого арестовывают и заключают в тюрьму за распространение коммунистических листовок, читатель остается в неизвестности — не вызвано ли обвинение против него исключительно завистью дельца-наци. И все же, героическая нелегальная борьба и ее влияние чувствуются всюду — часто о ней читаешь между строк, иногда она тесно связана с действием; например, следующий потрясающий эпизод, имевший место в католическом Кельне:

«Когда трамвай проезжал мимо боковой улицы, где находится страшная тюрьма Клингельпютц, послышались крики: кто-то кричал так, что воздух дрожал от боли. «Это коммунисты, их сейчас казнят в Клингельпютце», — сказал молодой штурмовик, стоявший возле вагоновожатого. В его голосе звучала гордость от сознания, что он в курсе дела. «Но что их здесь слышно — это непонятно». «Одного из них я знал, еще совсем молодой человек, не старше восемнадцати», — сказал вагоновожатый тоже гордо. Он ехал, крики двигались вместе с ним. Какой-то человек с глубоким благоговением снял шляпу, словно при погребении высокопочитаемого и любимого человека. Поспешно дрожащей рукой он

¹ Irmgard Keun. Nach Mitternacht. Amsterdam. Querido—Verlag. 1937.

вновь надел шляпу, так как штурмовик недоверчиво посмотрел на него. Какой-то ребенок смеялся, а его мать плакала. Какая-то толстая женщина обхватила обеими руками свою левую грудь, она задыхалась, глаза ее выражали отчаяние. В воздухе еще дрожал крик, его не было больше слышно, он был лишь видим. Мы все видели его и на секунду объединились в горе и страхе. Потому что убивали, и мы присутствовали при этом. Потом стало тихо. Какой-то молодой человек опустился со скамьи на колени, он молился. Штурмовик и вагоновожатый предпочли принять его за сумасшедшего, чтобы не делать ему замечания. Они старались не слышать молящегося. Так мы доехали до собора и здесь мы все вышли».

Но такие места, где писательница освещает действительность прямо как прожектором, — редки. Чаще всего она находит путь к чувствам читателя, идя боковыми тропинками, делая обходы, нападая на него из засады, врасплох. Так достигает она иногда исключительного действия, редко встречающегося до сих пор в антифашистской литературе. С помощью юмористического, почти невинного замечания у читателя вызывается улыбка, с помощью легкого сатирически-заостренного суждения о германской действительности его побуждают смеяться — вроде как при первом упоминании о худенькой, маленькой Бертхен Силиас, дочери уполномоченного¹, которая после многочисленных интриг истерических мещанок была выбрана и наряжена в сладенькое светло-голубое платьице «бэбэ», — белокурые прямые волосы были уложены тугими завитками, — для того, чтобы прочесть «фюреру» составленное ее отцом стихотворение и передать ему букет цветов, в то время как он (отгороженный от «любви» народа тесными рядами штурмовиков) направляется в оперу.

Мы узнаем об этом впервые так:

«Конечно, фюрер прибыл! Как я могла об этом забыть! Ведь Бертхен Силиас — это та, которая прорывает ряды, и фрау Силиас целые дни только об этом и говорит!» Прорывающая ряды! Смешно. «Детская непосредственность», о которой заранее говорится, которую заранее организуют среди стократной мещанской зависти и всяческих злобных интриг разных наци-матерей, с согласия караула охранников. Но смех наш переходит в задумчивую улыбку, когда заболевшего гриппом ребенка вынуждают заучивать бессмысленные

стихи и в конце при коротенькой сценке, которую Ирмгард Кейн набрасывает очень резко, немногими штрихами на фоне пьяного мещанского веселья (лихорадящий ребенок, с плачем повторяющий глупые стихи, падает замертво на громадный букет), у нас внезапно выступают на глазах слезы потрясения и ненависти к фашизму.

Вообще, каждому бросается в глаза скудность средств, употребляемых Ирмгард Кейн, воперки мнимо-болтливый и пространный рассуждениям ее молодой, аполитичной героини.

Возьмем любой пример.

«Господин Кульбах сказал, что якобы, через фюрера германский народ стал единым. Так оно и есть, только люди не могут переносить друг друга. Но для политического единства это значения не имеет».

Это — сатира, которая при всей своей легкости бьет в цель. И этот род сатиры типичен для книги, хотя Ирмгард Кейн умеет, когда это нужно, вкладывать в уста своих персонажей и достаточно горькие слова:

«Впрочем, взрослые и серьезные германские граждане превратились в достаточно комические и странные существа. Когда они сходятся, они по-детски ругаются и шопотом передают друг другу, приятно содрогаясь от страха, трепеща в ознобе испуга, веселые и грустные истории из жизни власть имущих. Разговоры господ ученых, художников, торговцев, чиновников опустились до уровня пустых сплетен прислуги. Они ругают господ и унижаются перед ними».

Это та Германия, которую Ирмгард Кейн сама пережила, которую она знает. Она рассказывает почти скупой, дает с помощью немногих, густо наложенных красок яркие мгновенные зарисовки, которые, сливаясь в одно целое, — превращают его в реалистическое полотно. Так, например, она рассказывает историю одного человека, который только что получил новую должность и не хочет сразу же в первый день опоздать на службу. Он просит постового разрешить ему перейти улицу с велосипедом.

«Будьте благоразумны, — сказал начальник худому человеку в сером и отпил кофе из своей походной фляжки, — не ворчите, будьте благодарны фюреру, у которого такие высокие идеалы». — «Да, у фюрера идеалы, а мы должны расхлебывать». Голос серого человека дрожал, видно было, что он вконец изнервничался. Люди, слышавшие его слова, онемели от ужаса, штурмовик покраснел, у него перехватило дыхание. Серый человек сразу потух и обмяк. Три штурмовика увели его, он не сопротивлялся.

¹ Blockwart — уполномоченный национал-социалистической партии по группе домов.

Велосипед упал на землю, люди стояли вокруг и молча и взволнованно поглядывали на него, тускло блестело на дожде колесо и выглядело государственно опасным, никто не осмеливался дотронуться до него. Только какая-то толстая дама, сделав свирепое лицо, выбросила руку вверх для приветствия, крикнула: «Пфуй» и наступила на колесо ногой. Тогда другие женщины тоже наступили на него. Затем цепь открылась, и мы могли пройти».

Таких мест, которые при всей своей анекдотической форме больше говорят, чем самые пространные описания, в книге множество. И все же они не производят впечатления отдельных анекдотов, но входят как необходимые составные части в умно скомпанованную фабулу, где собственно весь ход событий сконцентрирован на протяжении менее чем 24 часов.

Нельзя забыть, как трагикомически встречаются еврей Бреслауер с продавцом погромного листка «Дер Штюмер», как оба они, «рожденные под созвездием льва», беседуют об астрологии, как газетчик честно заявляет, что прежде он был «совсем необразованным человеком» и лишь благодаря «Штюмеру» он познал мир; теперь он изобрел особый вид волшебной палочки, которая бьет немедленно как только приблизится какой-нибудь еврей; и в заключение джентльменский спор между обоими о том, кому оплатить трактирный счет за нового друга — эта странная сцена, которая советскому читателю может показаться утрированной пародией на идеи расизма, представляет собой мастерское, реалистическое изображение действительности.

И среди всего этого движется, переживая все это, юная героиня, — как бы холодно регистрирующая, бодро рассуждающая. Это приводит нас к другой особенности Ирмгард Кейн: она знает германскую послевоенную молодежь как немногие писатели. Она знает, что за дерзким скептицизмом, часто поражающей трезвостью и абсолютно лишенным пафоса поведением у молодежи, выросшей в годы голода и инфляции, безработицы и безнадежности, одураченной лживыми иллюзиями и обещаниями, все же сохранилась огромная жажда радости и переживаний, что эти юноши и девушки — не взирая на их маску, могут глубоко ненавидеть и любить и еще явят когда-нибудь миру изумляющую картину упорной боеспособности.

Короче говоря: в основном, книга Ирмгард Кейн несентиментальна, непатетична и все же полна нежности и сдержанного порыва, скрытых за некоторой дерзостью.

Быть может, именно в этой связи следовало бы указать на одну опасность: иногда кажется, что Ирмгард Кейн небрежно обращается с языком, что она даже умышленно вставляет в текст резкости и шероховатости, лишь бы только не обнаружить ни капли лишнего чувства.

Своей книгой писательница смело вступает в ряды антифашистских борцов. Ее стрелы чувствительно задевают противника. И то, что ее манера сражаться доставляет, кроме того, много радости ее друзьям, и то, что книга ее является увлекательным и занимательным романом, лишь увеличивает эту ценность.

Но разве нет также и возражений? Немного и не очень веских. Она выбрала в качестве центральных персонажей два аполитичных и не боевых образа — право, которое никто у нее не может оспаривать. Молодой человек совершает убийство из мести — первый активный поступок в его вообще бездейственной жизни; девушка добивается для обоих (конечно, совершенно частным образом) возможности бежать. Оба покидают Германию, вначале очень слабо догадываясь о подлинном содержании фашизма, еще очень далекие от понимания того, что они должны были и как бы они должны были против него бороться. По среде, психологии и ходу действия это и не может быть иначе.

Итак, только разоблачение фашизма и его воздействия на определенный мелкобуржуазный слой? И это только было бы уже не мало. Но Ирмгард Кейн идет дальше. Единственного человека, который имеет политические взгляды, человека, который знает, что следовало бы бороться, но застревает в своем богемном рассуждающем анархизме — бывшего либерального журналиста она заставляет впасть в отчаяние и покончить самоубийством, ясно показывая тем самым, что она вовсе не считает остроумный сарказм и оппортунизм действенным антифашистским оружием. К тому же основной тон книги и ее направленность так честно заряжены ненавистью к коричневому варварству, что, собственно, не остается сомнения в том, что для обоих молодых героев бегство через границу (которым заканчивается книга) явится не завершением ложно понятого протеста, а началом настоящей борьбы — именно так, как начала ее этой своей книгой писательница. Одному бывшему когда-то левым писателю, чей роман был запрещен наци и который сейчас пытается приспособиться к ним, она говорит прямо в лицо: «Ты хочешь писать сегодня исторический роман? Как евнух будешь ты

писать этот роман. Писатель, когда он пишет, не должен страшиться ни собственных фраз, ни бога и мира. Писатель, который боится, не писатель».

И Ирмгард Кейн не боится.

Перевод с немецкой рукописи

Э. Субботиной

В. Ивашева

„Ваш день настал“ — Эдуарда Ньюхауса¹

В 1927 году из охваченной белым террором Венгрии, среди других эмигрантов, в Соединенные Штаты Америки приехал четырнадцатилетний мальчик — Эдуард Ньюхаус. В 1927 году он впервые услышал английскую речь. С 1931 года он становится постоянным сотрудником «Нью мессес», потом редактором спортивного отдела «Дейли уоркер», печатается в ряде американских газет и журналов. Деятельность его как журналиста тесно связана с его деятельностью революционера. С детства участвуя в революционном движении, он превосходно знаком с жизнью и борьбой современной Америки. Говоря о революционном движении в США, Ньюхаус смотрит на него не извне, глазами стороннего наблюдателя, а изнутри, глазами деятельного участника.

Тем больший интерес представляет попытка молодого журналиста обратиться к художественному творчеству, которая сделана им за последние годы.

В 1934 году Эдуард Ньюхаус опубликовал свой первый роман «Спать здесь нельзя». Роман этот, описывающий безработицу во время экономического кризиса, был по-разному встречен американской критикой. Не было единства мнений и на страницах революционной печати. Одни считали роман интересным и ценным, другие — поверхностным и неудачным.

Если первая книга Ньюхауса и носит на себе отпечаток некоторой незрелости, то вторая, опубликованная в феврале 1937 года, безусловно заслуживает нашего внимания. Смысл ее заглавия «This is your day» («Ваш день настал») становится очевидным в процессе чтения книги и из эпиграфа, предпосылаемого роману, где говорится: «Восстаньте от сна... Ваш день настал...» (Дей Льюис).

Настоящий герой книги Ньюхауса — это молодое революционное поколение, «день которого настал», поколение, которое в борьбе за лучшее будущее сбрасывает с себя груз прошлого, терпит лишения, преследования, — если

необходимо — смерть, но не оставляет борьбы с ненавистным ей капиталистическим настоящим. Таким представляется основное идейное задание книги. В какой мере справился с ним автор?

Людей, которые борются, Ньюхаус противопоставляет людям, которые, уклоняясь от борьбы и цепляясь за ускользающие блага житейской обеспеченности, погрязают в вязкой тине буржуазной повседневности и незаметно становятся на службу реакции. Главная заслуга его в том, что он сумел увидеть и попытался показать всю невозможность среднего пути — всю иллюзорность положения «в стороне от схватки». Он показал это с большой убедительностью, в значительной степени искупающей некоторую камерность в разрешении большой социальной задачи.

Главные персонажи романа — трое молодых людей. Джийн Марсей — сын американского рабочего, активный коммунист. Участник революционного движения со школьной скамьи, Джийн работал затем на различных предприятиях, грузил уголь и писал статьи, пять месяцев отсидел в тюрьме, не раз испытывал удары полицейских дубинок, не раз попадал в газовые атаки, организуемые полицией для разгона рабочих демонстраций.

Все это читатель узнает из немногих и скудных замечаний автора.

Еще будучи школьником, Джийн Марсей дружит с Хэрольдом Дарвасом, сыном венгерского эмигранта. Сначала оба приятеля симпатизируют революционному движению. Однако, их дороги вскоре расходятся: в то время как Джийн активно поддерживает забастовку учителей, Хэрольд воздерживается от прямых действий, ссылаясь на опасность исключения из школы и «большую пригодность свою для дела революции в роли учителя, чем в роли землекопа».

В то время как Джийна выбрасывают из школы, Хэрольд благополучно получает диплом.

Через семь лет Джийн, ставший профессиональным революционером, снова встречает Хэрольда, окончившего тем временем высшую

¹ Ed. Newhouse. This is your day. Lee Furman, Inc, New York, 1937.